

С ЭСТОНСКИМ режиссером Вольдемаром Пансо мы бродим по Таллину. Смотрим со стены Вышгорода на устремившиеся в небо и в тумане четкие силуэты городских башен. Серые камни уходят вниз. Крепкая, старая, вечная стена. Мох в расщелинах. Черные трещины—морщины времени. Паас—главный камень Эстонии, «фундамент жизни».

Индрек Паас — герой многолетней эпопеи классика эстонской литературы Антона Таммсааре «Правда и право». Он же — герой спектакля «Человек и бог», который я смотрю вечером в Таллинском государственном академическом театре драмы имени В. Кингисеппа.

...Паас — значит крепкий, вечный. Упорство многих и многих поколений эстонских крестьян, занятых тяжким трудом, угадывается в этом деревенском пареньке, румяном, кудрявом, крепком.

Под очень крупными холодными звездами Индрек Паас из Варгамяэ шел в Тарту, в школу господина Мауруса, чтобы за гроши, собранные отцом и старшими братьями, узнать всю правду о жизни и о боге. И, проучившись только три семестра, уходил, получив первые уроки жизни, узнав, что на свете есть правда и ложь, справедливость и несправедливость. Уверившись, что правда — в самом человеке. И творить справедливость — в силах человека, так же как бороться с ложью. Все в силах человека, даже ниспровергнуть и отринуть бога, чья ложь тысячетлетиями живет на земле.

Вот о чем был спектакль, поставленный Вольдемаром Пансо. Была в этом спектакле устоявшаяся, терпкая печаль разбитых иллюзий, неосуществившихся человеческих жизней. И была любовь, стремительная, оборвавшаяся в самом начале — прозрачная, как звучащее колокольцем имя героини, повторяемое на все лады — Рамильда, Миральда, Марильда, Римальда, Дальмира, Дильмара — а!..

Не было в спектакле внешнего, эффектного приема, напротив, ощущалось даже какое-то отречение режиссера от самого себя, абсолютное растворение в актере. И был виден отличный педагог Пансо: семеро из молодых исполнителей — его ученики.

ПРАВДА — В ЧЕЛОВЕКЕ

Однако как бы ни старался скрыть себя режиссер в актере, какие бы слова похвал ни хотелось сказать ему как воспитателю молодых профессионалов, подчеркиваю — профессионалов, он убедительнейшим образом заявил о себе в спектакле. Выразил себя как личность: это редкостное и неповторимое сочетание философского и поэтического, стремление к трудному постижению мысли, к рельефной, многообразной лепке характеров. Философ и поэт Таммсааре предстал в воплощении режиссера — философа и поэта.

Но даже и в таком богатом образами спектакле, как «Человек и бог», есть один характер, о котором нужно, нельзя не говорить особо. Господин Маурус — хозяин тартуской школы.

Циник, умница, не верящий ни в черта, ни в бога, поклоняющийся одному идолу — рублю.

Кажется, он ясен — делец без сердца. Но так ли уж ясен?

Этот ум, эта постоянная склонность к иронии заставляют нас пристальнее вглядываться в образ, создаваемый народным артистом республики А. Эскола, и еще это определено проступающее в Маурусе чувство симпатии к Индреку, к чистоте и упорству деревенского паренька, который ищет правду на земле. Тему человека, ставшего уродливым отражением уродливой жизни и где-то в самой глубине души, словно искру под пеплом, сохранившего если не былую чистоту, то воспоминание о чистоте, о молодости, — вот что приносит в спектакль «Человек и бог» вместе со своим героем Антс Эскола.

Здесь, в этой роли, Пансо и Эскола словно нашли друг друга, выступили горячими союзниками и единоверцами. И не случайно именно они, главные творцы успеха, выдвинуты на соискание Ленинской премии.

В. МАКСИМОВА

ТАЛЛИН

Литература
газета
24.08.1963